

М. В. Ангеловская

КРИТИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЖЕНСКОЙ ВИКТОРИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Criticism of Victorian gender stereotypes in the novels of E. C. Gaskell and G. Eliot

This article examines the difference between methods of gender stereotype criticism in the novels of E. Gaskell (“Wives and Daughters”) and G. Eliot (“The Mill on the Floss”). The research is based on gender theory and the literary history of *bildungsroman*, or the coming-of-age novel, especially its female variation as presented in the aforementioned novels. The author conveys an in-depth analysis of plot structure and the specifics of appointed genre. It is done to determine the alternate ways in which Gaskell and Eliot develop the idea of female ‘*bildung*’ in the novels and present the criticism of gender stereotypes which hinder that ‘*bildung*’. As a result, it is postulated that the major difference in the handling of the “hero — society” conflict in the novels is the reason for the different critical views of Eliot and Gaskell towards gender stereotypes of the Victorian era.

Keywords: *gender stereotypes, bildungsroman, female bildungsroman, feminist criticism, Eliot, Gaskell, victorian literature.*

Традиционно роман воспитания рассматривается как мужской жанр: главный герой, как правило, молодой юноша, приобретающий жизненный опыт, который позволяет ему развиваться умственно и духовно. Классическая сюжетная схема романа воспитания представляет собой такую последовательность событий: молодой чувствительный юноша, выросший в провинции, разочаровывается в окружающей его обстановке, которая не отвечает требованиям его творческой природы и высоким стремлениям. Герой уходит из семьи, отвергая эмоциональную и финансовую стабильность, на поиски

приключений и/или независимости, получает образование, приобретает новый опыт, который формирует его как личность и позволяет составить собственное мнение о мире, проходит испытание любовью (одна плотская и разрушительная, вторая — возвышенная и одухотворенная) и в финале обретает некую награду, будь то любовь, желаемое положение в обществе или что-либо еще (например, Пип в романе «Большие надежды» Диккенса не только проходит долгий процесс становления и достигает определенного социального положения, но и добивается взаимности Эстеллы, которая тоже изменилась). Такая сюжетная схема реализует стандартную модель становления для мужчин: поиски себя, путешествия, получение образования, карьера, женитьба и т. д.

Существование женского романа становления долгое время отрицалось. Однако с развитием феминистской критики многие викторианские романы начали рассматриваться как произведения, формирующие особую традицию женского романа воспитания, в центре которого — процесс становления женщины, априори отличающийся от процесса становления мужчины, особенно в викторианскую эпоху.

Вопрос существования женского романа воспитания, который дискутируется даже сегодня, возник как раз из-за того, что в викторианскую эпоху (период возникновения первых образцов женского варианта жанра) существовали различные модели становления для мужчин и женщин. Критики были склонны классифицировать романы воспитания в соответствии со стандартной сюжетной схемой. Однако реализация такой модели становления была практически невозможной для женщины в XIX веке: как правило, она не могла уйти из семьи и отправиться в самостоятельное путешествие, не могла обрести полную финансовую независимость. Женщина не обладала свободой действий — ей оставалось лишь реализовывать свободу мысли. По этой причине большинство женских романов становления представляют собой историю эмоционального взросления, которого героиня достигает не посредством экстенсивного освоения окружающего мира, а посредством интенсивной работы мысли. Если герой мужского *bildungsroman*'а уже сразу осознает собственные возможности изменить мир вокруг и его история — история действия, то героиня женского *bildungsroman*'а должна сна-

чала прийти к пониманию собственных возможностей, достигнуть определенного уровня самоосознанности, прежде чем она сможет активно изменять мир вокруг. Ранние женские романы воспитания — это история эволюции мысли героинь, которая позволяет им раскрыть собственный потенциал и действовать в соответствии с ним.

Критика может быть весьма однозначной и прямо говорить о том, что существующее положение женщины не отвечает ее потребностям и мешает ее полной самореализации (пример такой критики — внутренние монологи Джейн Эйр в романе Шарлотты Бронте). Критика также может быть неявной: признавая необходимость изменений в сфере общественных отношений, автор может придерживаться мнения о правильности исходных посылок, регулирующих эти отношения. К примеру, в нашей статье «Тема женской судьбы и ее репрезентация в позднем творчестве Элизабет Гаскелл (на материале романов “Любовники Сильвии” и “Жены и дочери)”» мы утверждаем, что Гаскелл не отвергает традиционные викторианские ценности (образ женщины как «ангела в доме», доброго, кроткого, смиренного, всегда приятного), но не соглашается с их репрессивным характером; она стремится к гармонии, к компромиссу между существующими представлениями и женской потребностью в самореализации. Мы исходим из предположения о том, что в текстах Элиот, как и в текстах Гаскелл, есть критический пафос, но обе писательницы в своих произведениях стремятся утвердить необходимость гармоничного сосуществования двух начал.

Парадигма становления Молли Гибсон, главной героини романа «Жены и дочери», схожа со стандартной схемой *bildungsroman*’а, но Гаскелл преобразовывает ее в соответствии с реалиями культуры и общества викторианской эпохи. Детство Молли — идиллическая пора ее жизни, период, когда в ее отношениях с отцом царит полная гармония и мир кажется простым и понятным. С женитьбой ее отца, мистера Гибсона, эта идиллия безвозвратно утеряна, и Молли приходится учиться жить в изменившемся мире, где далеко не все отвечает ее представлениям. Следующий этап — образование — не формальное обучение, а «воспитание чувств», становление характера, которое происходит путем взаимодействия Молли с разны-

ми людьми: семьей Хэмли, миссис Киркпатрик, Синтией, семьей Камноров и др. Ее первым учителем становится Роджер, который советует ей думать прежде всего о чувствах других, а не о своих собственных переживаниях. Впоследствии Молли, всегда помня об этом, самоотверженно встает на защиту Синтии от мистера Престона и помогает семье Хэмли, забывая о себе.

Первое испытание любовью для Молли лежит скорее в «пассивной» сфере: это не настоящий роман, а почтительная влюбленность в идеальный образ Осборна Хэмли, который не совпадает с реальным человеком: «Молли пыталась примирить идеал с реальностью. Идеал был гибок, силен, обладал греческими чертами лица и орлиным взором и был неприхотлив в еде. В реальности у Осборна были женственные манеры, греческий профиль, уставшие и холодные голубые глаза; к тому же он был весьма привередлив в еде» [Gaskell, p. 150]. Составив себе представление об Осборне со слов его матери, Молли возводит его на пьедестал и восхищается образом, не зная ничего о самом человеке. Впрочем, это испытание для Молли заканчивается благополучно: из детской влюбленности вырастает чувство уважения и сострадания к Осборну по мере того, как Молли узнает о трудностях в его жизни.

Точно так же снисходительность и равнодушие Молли к Роджеру сменяется благодарностью и теплой привязанностью, когда она узнает его поближе и судит о нем не по его внешности, а по его делам и отношению к ней. Впрочем, именно здесь Молли ждет второе испытание любовью, уже гораздо более трудное. Роджер влюбляется в Синтию, а Молли, наблюдая за их развивающимся романом, вынуждена забыть о своих собственных чувствах ради тех, кого она любит.

Однако в итоге доброта, сочувствие и самоотверженность Молли, а также ее решительные действия, которыми она помогает другим, оказываются вознаграждены: Роджер, оставив иллюзии по поводу Синтии, которая не любит его, видит настоящую ценность Молли, которая может стать ему надежной спутницей и разделить его интересы. Роль, которая отведена Молли, — роль жены ученого и исследователя, равного ей по духу и устремлениям, относящегося к ней как к равной и уважающего ее, — это идеал самореализации для Гаскелл. Именно к такой самореализации она и ведет

свою героиню путем ошибок, утраты иллюзий и предубеждений, сопереживания, самопожертвования, помощи близким и активного взаимодействия с окружающим миром.

Однако Молли — не единственный персонаж, который проходит трудный путь становления. Помимо женской парадигмы становления, в романе есть и парадигма становления мужчины — Роджера Хэмли. Его история тоже не следует строгой классической схеме, хотя основные этапы и совпадают: мы можем предположить, что детство Роджера было относительно безмятежным, хотя его старший брат всегда был любимым ребенком; семейная идиллия и относительно спокойная жизнь нарушается, когда умирает миссис Хэмли, а Осборн ввязывается в долги и ссорится с отцом. Роджер, вернувшись из Тринити Колледжа, влюбляется в Синтию, очарованный ее красотой и покорностью. Это его первое испытание любовью. Хотя он добивается согласия Синтии в ответ на предложение руки и сердца, Синтия не может ответить ему взаимностью. Когда становится известно об обручении ее с мистером Престоном, чары Синтии развеиваются, и Роджер видит, что ее чувства неискренни. После разрыва он уезжает надолго, а когда возвращается в качестве известного ученого, кандидата в члены Королевской академии, он уже по-другому смотрит на Молли, которая выросла и стала красивой девушкой, начитанной и умной. Дружба молодых людей естественным образом перерастает во взаимную романтическую привязанность, и, хотя вскоре Роджер вынужден уехать, Гаскелл дает понять, что ее героям уготовано счастливое будущее. Таким образом, и Роджер достигает самореализации не только профессиональной (в научно-исследовательской, «публичной», мужской сфере), но и личностной (в «домашней» сфере).

Гаскелл противопоставляет Роджера и Молли Синтии и ее мужу, а также мистеру Гибсону и миссис Киркпатрик. Так, миссис Киркпатрик и Синтия стремятся замуж, чтобы обеспечить себе положение, а мистер Гибсон следует совету леди Камнор: «Прошу прощения, Гибсон, но мы ведь старые друзья. Вы когда-нибудь думали о том, чтобы снова жениться? <...> Если бы вы нашли разумную, приятную женщину лет тридцати, <...> она бы смогла дать вашей дочери деликатный совет, в котором, я полагаю, нуждаются все де-

вочки ее возраста» [Gaskell, p. 90]. Главные героини не просто находят себе супруга/супругу, а обретают спутника жизни и родственную душу, так как оба они обладают крепким внутренним стержнем и остаются верны своим принципам, в то время как другие героини руководствуются не внутренними побуждениями, а требованиями социокультурной среды.

Таким образом, «Жены и дочери» — не просто женский роман воспитания. Он представляет собой двойной *bildungsroman*, в котором реализовано сразу несколько парадигм становления. Судьбы Синтии и ее матери противопоставлены судьбе Молли. Женская и мужская история становления в романе практически равноценны, так как ключевой идеей романа является идея равенства и необходимости взаимодействия двух общечеловеческих начал — мужского и женского — без их строгого критического разделения на основе принадлежности к той или иной сфере.

Роман Дж. Элиот «Мельница на Флоссе» — новый образец романа воспитания XIX века (см. об этом: [Проскурнин, Хьюит]). Он не только содержит элементы женского романа воспитания (что само по себе не являлось новаторством, см. «Джейн Эйр»), но сопоставляет две истории: историю главной героини Мэгги и историю ее брата Тома, сталкивая две противоположные модели становления: мужскую и женскую.

Такой тип романа воспитания Шарлотта Гудман называет двойным, или параллельным, романом воспитания. Гудман полагает, что двойной, или параллельный, *bildungsroman* критикует патриархальное общество с четкими гендерными ролями и рассматривает то, как гармоничное андрогинное «я» разрушается культурой, приписывающей кардинально различающиеся роли мужчинам и женщинам [Goodman, p. 31].

Согласно Ш. Гудман, двойной *bildungsroman* имеет трехчастную структуру: героини наслаждаются гармонией и идиллией детства вместе, затем волею случая они оказываются разделены, и каждый проходит свой путь. В конце двойного романа становления героини воссоединяются [Ibid., p. 32].

История героев начинается и заканчивается единением. В начале романа Мэгги встречает только что вернувшегося брата объятием,

во время которого он отвлеченно смотрит по сторонам, не видя Мэгги: «...он вполне охотно позволили себя расцеловать, хотя Мэгги так повисла у него на шее, что чуть не задушила. Все это время серо-голубые глаза его были устремлены то на двор, то на овец, то на реку, куда он твердо решил завтра же пойти удить рыбу». В финале на той же разлившейся реке, куда они вместе ходили на рыбалку, Том будто бы в первый раз ясно видит Мэгги: «Только когда Том оттолкнул лодку и они оказались лицом к лицу среди необъятной водной шири, все значение произошедшего открылось ему с неодолимой силой, заставив заглянуть в те глубины жизни, которые до сих пор были вне пределов его зрения — а он-то считал свое зрение таким острым! <...> Наконец серо-голубые глаза подернулись туманом и губы нашли слово, которое они смогли выговорить — забытое детское „Мэгзи!“» [Элиот, с. 553]. Воссоединение, очевидно, входило в замысел Элиот с самого начала, однако интереснее прояснить роль противопоставления сюжетных линий героини и героя. Как мы уже сказали, мы придерживаемся точки зрения о доминантности линии Мэгги. Мы считаем, что Элиот в данном романе больше интересуется женская парадигма становления, несмотря на то, что повествователь выказывает симпатию и Тому.

В противопоставлении «природа — культура» Том олицетворяет голос культуры (общества). Он интернализирует общественные нормы и становится судьей для Мэгги, которая воплощает природу — непокорную, своевольную, движимую собственными желаниями. Общество создано, чтобы обуздывать природу, которая в понимании викторианцев представляла как опасное, непредсказуемое начало, угрожающее существованию культуры. В женщине необузданное природное начало считалось более опасным, чем в мужчине, так как у женщин не было возможности его контролировать. М.-Л. Сепп пишет: «...страстность расценивалась как нечто опасное. Она несла в себе страх „зверя внутри“, характерный для викторианской эпохи. „Зверь“ априори существовал в мужчине, и для его контроля нужен был твердый характер; страстная женщина не могла гарантировать такую выдержку. По мнению викторианцев, женщина могла спровоцировать зверя, выпустить его наружу, так как считалось, что она не умеет контролировать свои

эмоции» [Sepp, p. 14]. По этой причине своеволие Мэгги и ее желание реализации собственного потенциала расценивается как бунт, опасный для семьи и общества, а ее бурные эмоции вызывают у Тома лишь пренебрежение.

Противопоставление природы и культуры перекликается с противопоставлением женской и мужской сфер. М.-Л. Сепп считает, что Том и Мэгги являются до крайности поляризованными воплощениями идеологии раздельных сфер. Мы полагаем, то же самое можно сказать и о противопоставлении природы и культуры. Сепп пишет, что в основе романа Элиот лежит представление о взаимодополнении мужской и женской сфер, их взаимном обогащении. Так, Мэгги воплощает одну крайность — необузданность, страстность, стремление выйти за рамки общественных предписаний, отсутствие самодисциплины, в то время как Том олицетворяет другую — строгость, рациональность, отсутствие сочувствия. В идеале Элиот эти качества должны гармонично сочетаться в человеке. В романе это сочетание возможно лишь в «идеальном» мире, в смерти, но не в жизни, а причина тому — общественные установки, которые дробят изначально гармоничную («андрогинную» в терминологии Гудман) личность, делая ее неполноценной и ограничивая ее развитие гендерными стереотипами.

Таким образом, сюжетная структура романа Элиот «Мельница на Флоссе» преобразует стандартную схему *bildungsroman*'а, учитывая особенности женской парадигмы становления.

И Джордж Элиот, и Элизабет Гаскелл придерживались мнения о равноценности мужчины и женщины, но признавали различия в их природе и социальных функциях. В основе их мировоззрений лежит идея взаимодополняемости, содействия смежных сфер: публичной и личной, мужской и женской. Они рассматривают их как две части одного целого и отрицают их неравенство и полярную противоположность.

Жанр двойного *bildungsroman* отражает эту философию. Критикуя гендерные стереотипы в своих романах, романистки не ограничиваются лишь женской стороной вопроса, не идеализируют удел мужчин и не изображают их жизнь более легкой. И Элиот, и Гаскелл (хотя последняя в меньшей степени) акцентируют внимание чита-

теля также на проблемности «маскулинной» идеологии, которая имела столь же строгий предписывающий характер, как и «феминная». Том Талливер страдает от навязанных обществом обязательств не меньше, чем его сестра, а доктор Гибсон принимает одно из самых важных решений в его жизни под давлением общественных представлений о том, как ему подобает себя вести.

Общество в романах также является серьезной внешней силой, которая оказывает влияние на жизнь героинь. Характер этого влияния и взаимодействие героинь с обществом, на наш взгляд, предоставляют ключ к пониманию специфики критики гендерных стереотипов в романах «Мельница на Флоссе» и «Жены и дочери». Героини этих романов противопоставлены друг другу по характеру и восприятию мира: Мэгги на протяжении всего романа разрывается между долгом и чувством; Молли, несмотря на огорчения и трудности в отношениях с окружающими, устойчива и сохраняет внутреннюю цельность.

В романе Гаскелл общество поначалу кажется героине враждебным (ее первый визит в поместье Камноров оборачивается для нее большим разочарованием) и несправедливым. Но, по мере того, как она меняется, меняется и ее восприятие общества, которое в итоге оказывается к ней благосклонно. Следуя советам Роджера о том, что нужно думать о других прежде, чем о самой себе, Молли преображает себя и мир вокруг себя. Как мы уже утверждали, философскую основу романа составляют идеи компромисса, баланса, разумного самоуправления и нравственной дисциплины. Характер, сила духа оказываются первичны для Гаскелл и помогают героям преодолеть препятствия.

Для Мэгги мир изначально враждебен: общество не одобряет ее внешнего вида и поведения, а ее душевное равновесие целиком и полностью зависит от брата. С течением времени мир вокруг героини не меняется: он остается враждебным и непримиримым. Социальные обстоятельства, в которых находится Мэгги, не подлежат изменению, и она обречена на гибель в результате неразрешимого конфликта. Элиот определяет трагедию Мэгги как трагедию обстоятельств, когда пишет «трагедии нашей жизни не определяются всецело тем, что заключено в нас самих» [Элиот, с. 429].

Различия в изображении роли внешних обстоятельств (в частности, общественного давления) определяют различия в презентации критики гендерных стереотипов.

Элизабет Гаскелл отводит главную роль характеру человека, внутренней силе и балансу, которые способны помочь в борьбе с обстоятельствами. Она критикует гендерные конструкты — интернализацию стереотипов, использование их для собственных целей, потакание собственным слабостям, отсутствие самодисциплины и нравственности. Гаскелл критикует не общество, а индивидуума: тех, кто, подобно миссис Киркпатрик, не являются «законом для самих себя», а избирают легкий путь подчинения общественным нормам. Следует подчеркнуть, что, по нашему мнению, в романе Гаскелл гендерные стереотипы представлены не как разрушающая сила, а как неотъемлемая часть культуры, и для ее гармоничного существования необходим баланс между индивидуальным и общественным, который человек находит для себя сам.

Джордж Элиот критикует непосредственно гендерные стереотипы, которые она считает разрушительными, и само общество, которое их создало, лишенное сострадания, понимания и нравственности. Компромисс для героини «Мельницы на Флоссе» недостижим: ее желания непримиримы с ограничениями общества, ее характер и принципы не позволяют ей идти на уступки. Однако ее мучительный личностный рост и метания между чувством и долгом не находят отклика у окружающих людей, которые имеют четкие представления о том, как подобает жить. Общество, которое не отвечает потребностям Мэгги, не может ее понять и принять, становится причиной ее трагедии. Поэтому в центре романа Элиот — идея воспитания в обществе сострадания, терпимости, понимания.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот и ее роман «Мельница на Флоссе»: контекст, эстетика, поэтика / Б. М. Проскурнин, К. Хьюит. Пермь : Изд-во Перм. ун-та., 2004. 92 с.

Элиот Дж. Мельница на Флоссе / Дж. Элиот ; пер. с англ. Г. Островской, Л. Поляковой. М., Л. : Гос изд-во худ. лит-ры, 1963. 559 с.

Gaskell E. C. Wives and Daughters / E. C. Gaskell ; ed. with an introduction and notes by A. Easson. Oxford : Oxford University Press, 2000. 740 p.

Goodman Ch. The Lost Brother, the Twin: Women Novelists and the Male-Female Double Bildungsroman / Ch. Goodman // NOVEL: A Forum on Fiction. 1983. Vol. 17, № 1. P. 28–43.

Sepp M.-L. Sympathy and Gender in George Eliot's The Mill on the Floss and W.M. Thackeray's Vanity Fair: MA thesis / M.-L. Sepp. University of Tartu. Tartu, 2013. 67 p.

Е. А. Брылина

**НОВАТОРСТВО «ТЕОРЕТИЧЕСКО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»
М. ПАРЕНАГО**

***Innovative approaches in «The Theoretical-practical
Grammar of the English Language» by M. Parenago***

The article analyses «The theoretical-practical grammar» by M. Parenago (1820). The attention is concentrated on the peculiarities of this manual. Special attention is paid to changes of approaches to foreign languages' teaching in Russia. Finally the article draws conclusions concerning the changes of the material's representation and specific features of an unknown manual by M. Parenago.

Keywords: *English as a foreign language; grammar terminology; the practical application of the theoretical foundations, methods.*

В течение всего XVIII века и первой половине XIX века в России создавались специализированные и общеобразовательные учебные заведения. Среди них — Императорский лицей, дворянские институты, кадетские корпуса и гимназии, в которых было введено преподавание древних и новых европейских иностранных языков.

Этот период ознаменован появлением грамматических руководств, словарей, пособий по лексике и фонетике для усовершенствования языковых навыков.

Первой отечественной грамматикой английского языка считают грамматику Михаила Пермского (1766). С этого времени можно проследить появление ряда грамматических пособий по изучению английского языка для российских учащихся: П. Жданова (1772, 1801), В. Кряжева (1793), И. Грузинова (1812) и другие. Самые ранние грамматики английского языка представляли собой изложение теоретических основ языка и его описание. Постепенно с ростом